

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ**

**ПОЧЕТНЫЕ ДОКТОРА
УНИВЕРСИТЕТА**

Абдусалам
ГУСЕЙНОВ

**ФИЛОСОФИЯ —
МЫСЛЬ И ПОСТУПОК**

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ЛЕКЦИИ, ИНТЕРВЬЮ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2012

ББК 87
Г96

Научный редактор

А. С. Запесоцкий, член-корреспондент Российской академии наук,
академик Российской академии образования,
ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор культурологических наук, профессор

Гусейнов А. А.

Г96 **Философия — мысль и поступок** : статьи, доклады,
лекции, интервью. — СПб. : СПбГУП, 2012. — 840 с. —
(Почетные доктора Университета).

ISBN 978-5-7621-0668-9

В книге публикуются избранные научные труды выдающегося отечественного философа, академика Российской академии наук, директора Института философии РАН А. А. Гусейнова. В издание включены работы ученого о назначении философии, о культуре, политике и морали. Академик А. А. Гусейнов первым в отечественной философии исследовал золотое правило нравственности. Он развивает концепцию негативной этики, с точки зрения которой моральный абсолютизм приобретает действительность в форме категорических запретов. А. А. Гусейнов считает, что философия представляет собой единство гносеологии и этики; будучи особой формой познания, она является также определенной жизненной позицией.

Отдельный раздел книги составили лекции и выступления А. А. Гусейнова в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, почетным доктором которого он является. Книга, вышедшая в серии «Почетные доктора Университета», адресована ученым, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей.

ББК 87

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович

ФИЛОСОФИЯ — МЫСЛЬ И ПОСТУПОК

СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ЛЕКЦИИ, ИНТЕРВЬЮ

Ответственный редактор *И. В. Петрова*; дизайнер *В. Б. Клоков*;
технический редактор *Л. В. Климкович*; редактор *Я. Ф. Афанасьева*,
корректоры: *О. В. Афанасьева*, *Т. А. Кошелева*, *О. Л. Говорина*

Подписано в печать с оригинал-макета 12. Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура JournalC
Усл. печ. л. 52,5. Тираж 1000 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука», 199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

ISBN 978-5-7621-0668-9

9 785762 106689

© Гусейнов А. А., 2012

© СПбГУП, 2012

ЧТО ТАКОЕ ЭТИКА НЕНАСИЛИЯ?*

Идея ненасилия вошла (вернулась, если иметь в виду Л. Н. Толстого) в круг исследовательских тем отечественной философии в конце 1980-х годов на волне горбачевской перестройки и всеобщего солидарного участия всего народа в борьбе за демократизацию общественной жизни. В то время она отозвалась положительным эхом в общественном мнении**. С тех пор отношение к ней значительно, можно сказать, существенно изменилось. Вектор этого изменения можно обозначить словами: сомнение, разочарование, негодование.

Если тогда, когда я*** впервые ввел словосочетание «этика ненасилия», обозначив так тему

---

* Опубликовано: *Идеи ненасилия в XXI веке : сб. науч. докл. / (кто составители или редакторы?)* Пермь, 2005. С. 4–10.

** В конце 1989 г. в Москве на базе и по инициативе сектора этики Института философии РАН прошла международная конференция «Этика ненасилия». По ее итогам официальная ежедневная массовая (тиражом около 10 млн) газета «Правда» от 23 февраля 1990 г. опубликовала обширное интервью с профессором А. А. Гусейновым, вышла книга «Этика ненасилия» (М., 1991).

*** Прошу прощения за это нескромное местоимение, которого в таком контексте всегда стараюсь избегать, но

международной конференции и новое научное направление, многие видели в нем тавтологию. «Разве этика может быть иной?» — недоумевали они. Сейчас оппоненты расставляют акценты иначе. «Разве такое возможно?» — спрашивают они. Уже появился по крайней мере один развернутый очерк*, атакующий этику ненасилия, да и направленность ряда докладов в данном сборнике показывает, что многие авторы обеспокоены судьбой идеи насилия, а еще точнее — судьбой морали и этики, лишенных опоры в насилии, и мобилизуют моральные аргументы в оправдание и даже воспевание последнего.

Как и почему меняются общественные настроения и идейные приоритеты, как и почему они изменились применительно к идее ненасилия и к нашей стране в последние 15 лет — это особый, сам по себе интересный и достойный размышления вопрос. Здесь действует комплекс причин от интеллектуального конформизма и ложных стереотипов, отождествляющих ненасилие с покорностью и смирением, до прямого интереса социальных и властных структур, для которых насилие является необходимой, а часто и основной гарантией их привилегированного или даже просто особого положения. Я остановлюсь только на одной сугубо методологической причине, которая отчасти объясняет и извиняет критиков этики ненасилия, по крайней мере позволяет им быть искренними. Она связана с пониманием природы и возможностей морали, самого ее статуса в системе человеческой деятельности.

Необходимость жизни в ее природных и социальных формах включает в себя такие конфигурации отношений между индивидами, которые предполагают насилие, не могут существовать без него. Агрессивные инстинкты, эксплуатация труда, властные отношения господства и подчинения — все это такие фундаментальные факты человеческого бытия, которые воспроизводят насилие с закономерным постоянством. Оно, насилие, может

в данном случае прибегаю к нему нарочито, так как этика ненасилия все больше вызывает теоретическое непонимание и общественное подозрение.

* Он помещен в только что вышедшей книге А. А. Скворцова «Родина и мир» (М., 2006. С. 33–123).

быть минимизировано, скрыто, переведено в латентную форму, но его нельзя полностью изъять ни из биологии человека, ни из его социальной сущности. Данное утверждение не нуждается в специальных познаниях и доказательствах. Оно очевидно. Достаточно посмотреть, как мы обустроиваем наш частный быт, закрываясь от посторонних металлическими дверями, решетками на окнах, тайными сейфами в квартирах и тому подобным, или побродить по городу, где ты оказываешься под скрытым надзором телекамер и на каждом шагу натыкаешься на вооруженных людей, разного рода охранников. Социальные джунгли, конечно, отличаются от природных, но тем не менее это тоже джунгли.

При таком положении дел этика ненасилия, естественно, кажется утопичной, а многими воспринимается как издевательски лицемерная. И это действительно было бы так, если бы мораль и этика являлись продолжением природного процесса в человеке, выражением законов социальности, если бы они представляли собой элементы «надстройки», обслуживающей «базис». На самом деле, однако, мораль и этика находятся по ту сторону необходимости, «корысти», говоря на их собственном языке. Мораль коренится в автономии человеческого духа и является ее выражением.

Кто бы и как бы ее ни понимал, какие бы этические теории ни конструировал, одно является несомненным и общепризнанным: мораль охватывает бытие человека в той части, в какой оно целиком и полностью подконтрольно его сознательной воле, представляет собой совокупность намеренных поступков, то есть поступков, совершение или несовершение которых зависит только от него. Именно в таком качестве и понимании она входит в человеческую жизнедеятельность и культуру. И когда Кант называл мораль «причинностью из свободы», то он на философском языке выражал некую очевидность морального сознания.

Особенность моральных норм (и в понимании этого едины все философские учения, все религии, да и вообще все люди, поскольку они пользуются моральными оценками) заключается в том, что для их действительности не нужно ничего, кроме решимости человека следовать им. Хрестоматийные характеристики

моральных требований как безусловных, категорических не всегда воспринимаются в их обязывающем значении, которое в том и состоит, что они образуют зону индивидуально-ответственного поведения, что их несущей конструкцией является исключительно добрая воля индивида как разумного существа. Моральные требования от основополагающих принципов типа «не убий», «золотое правило» до элементарных правил типа родительских наставлений детям не грубить старшим описывают поступки, которые должно совершать (не совершать) человеку и которые он может совершить (не совершить). Говоря еще точнее, это требования, которые в своей категоричности только и могут совершаться (не совершаться) в силу долга.

Этика ненасилия в своей безусловно обязывающей нормативной сущности означает только одно: запрет на насилие, понимаемое как выражение социальной зоологии. То есть понимаемое как отношение между индивидами, в ходе которого путем прямого физического принуждения индивид (или индивиды) навязывает (или навязывают) свою волю другому индивиду (или индивидам). Этика ненасилия вырастает из одного простого рассуждения. Если мы стоим на точке зрения гуманистической морали и считаем, что все люди суть братья (как бы этот тезис ни обосновывался и в каких бы конкретных терминах ни формулировался), то и логическая принудительность мысли и этическая обязательность действия неизбежно приводят нас к определенному выводу: насилие (в обозначенном выше смысле) есть зло.

Оно не может получить нравственную санкцию. Более того, оно не может также считаться этически нейтральным средством, приобретающим ту или иную нравственную качественную определенность в зависимости от целей. Ненасилие в этом смысле тождественно самой нравственности, оно есть нравственный закон. И опровергнуть данный закон нельзя никакими ссылками на необходимость, неустранимость насилия в рамках социоприродного человеческого существования. Точно так же, как нельзя, например, опровергнуть закон инерции Ньютона ссылкой на то, что в реальности не существует тел, находящихся в состоянии покоя или равномерного движения, не испытывающих на себе

воздействия других тел. Этика ненасилия потому и называется этикой, что она задает другую перспективу отношений между людьми. Перспективу, которая выводит за рамки природной и социальной необходимости, надстраивается над ней (пробивается сквозь нее) в качестве пространства собственно человеческого существования.

Этика ненасилия отождествляет насилие со злом столь прямо и полно, что исключает какие-либо его извинительные, а тем более желательные случаи. *Насилие есть зло. Его не должно быть в разумно устроенном человеческом обществе.* Таково первое основоположение этики ненасилия. Другое ее основоположение заключается в том, что *зло нельзя победить злом, насилие нельзя преодолеть через посредство насилия.* Насилие не может быть средством, ведущим к человеколюбию, точно так же, как, например, богохульство не может быть дорогой к Богу или плагиат — формой поиска истины.

Если мыслить мораль в терминах цели и средств, то оппозицию добра и зла, составляющую ее структуру, можно описать двойко. В первом случае: *как цель*, которая никогда не может быть низведена до уровня средств, то есть как цель, заключающую свою награду в себе, имеющую самоценное значение, — это добро. В другом случае: *как средство*, которое никогда не может стать целью, то есть как средство, специфический признак которого состоит в том, что его избегают, — это зло. Добро и зло, схваченные в тех наиболее общих определениях, которые выражают их разновекторность, означают не что иное, как позитивность и негативность сознательного человеческого поведения.

Насилие является как раз той границей («осью»), из которой и в связи с которой задается разновекторность добра и зла. Оно представляет собой точку схождения «земли» и «неба» морали. Отказом от насилия, в особенности отказом от него применительно к самому насилию, то есть радикальным отказом от насилия мораль материализуется в адекватный поступок. Благодаря этому она низводится до уровня эмпирически-конкретного факта человеческого существования, а само человеческое существование возвышается до высоты нравственно осмысленной,

одухотворенной жизни. Этика ненасилия есть такое понимание морали, при котором ее всеобщая форма прямо коррелирует, переходит в однозначные поступки и не может ни существовать, ни мыслиться иначе, как в качестве таких поступков.

Этика отличается от философии, социологии, экономики, психологии, истории и других возможных ракурсов рассмотрения насилия не только тем, что она подходит к насилию в перспективе его радикального отрицания. И не только тем, что не акцентирует внимание на причинах и формах его существования. И не только выводом, что, несмотря на все эти причины и формы (даже тогда и прежде всего тогда, когда эти причины и формы кажутся особенно извинительными и гуманистически аргументированными), *насилия не должно быть*. Насилие, следовательно, ни в каком случае не может получить обоснования и оправдания в качестве нравственно достойного способа поведения.

Этика отличается не только этим. Но еще и тем, что она рассматривает насилие в контексте индивидуально ответственного поведения личности, как ее сознательное решение. Этику насилие интересует в качестве *действия индивида*, такого его действия, совершение или несвершение которого зависит от его сознательной воли, его убеждений, верований, намерений. Когда же речь идет об институционально закрепленных, исторических и иных массовых формах насилия (типа смертной казни, войны, восстаний, этнопсихозов и т. п.), этика расчленяет их на индивидуально-ответственные действия, исходя из убеждения, что институциональное, историческое, социологическое и всякое иное предметное оправдание и моральное оправдание — разные вещи.

Логика этики ненасилия является в данном случае удивительно простой: смертной казни не будет, если никто не захочет стать палачом, войны не будет, если никто не захочет идти воевать. Она отрицает насилие как таковое. Отрицает не запутанные подступы к нему и не его противоречивые следствия, а само насилие в форме злонамеренного действия, характеризующее прежде всего того, кто такое действие совершает. Конечно, еще не было отменено ни одной смертной казни из-за того, что ни-

кто не захотел стать палачом, не было отменено ни одной войны из-за того, что не нашлось людей, желающих взять в руки оружие. Тем не менее в практиках насилия (во всей совокупности образующих их интересов, соблазнов, технологий, аргументов и т. д.) самым уязвимым местом, способным разрушить все их сложные конструкции, оказывается тот последний пункт, когда на арену выходит конкретный живой индивид для конкретного насильственного действия. То есть тот, кому предстоит нажать на курок, сбросить бомбу и т. д. Не случайно идеология и практика насилия тратят больше всего усилий на то, чтобы прикрыть это слабое место всякого рода ухищрениями и обманами снять невыносимую моральную нагрузку с тех, кто непосредственно стреляет. Придумываются, к примеру, способы смертной казни, когда палач не видит жертву или все устраивается таким образом, чтобы палач мог думать, будто не его пуля была смертельной. Еще один типичный прием такого рода: мобилизуется демагогическая риторика, чтобы создать у воюющих иллюзию, будто они преследуют не просто личные или групповые корыстные интересы, а защищают некие высокие ценности — «свободу», «Родину» и т. п.

Ненасилие представляет собой постнасильственную стадию в борьбе за социальную справедливость. Его ценность заключается в том, что оно открывает возможность решения в рамках сотрудничества тех самых конфликтов, которые люди пытаются разрешить посредством насилия, но которые в принципе не могут быть разрешены таким путем. Ненасилие не просто отрицает насилие, оно снимает насилие. В этом смысле этика ненасилия оказывается жизненной и исторически продуктивной в той только мере, в какой получает продолжение в конкретных ненасильственных теориях и практиках, которые разнообразятся и различаются друг от друга соответственно разнообразию и различию форм общественных отношений и деятельности. Это означает, что ненасилию надо учиться.

Моральная решимость действовать ненасильственно является только предварительным условием, которое должно получить продолжение каждый раз в конкретных знаниях, умениях,

навыках. При этом школа ненасилия настолько же трудней, чем школа насилия, насколько строить, созидать труднее, чем разрушать. Она труднее во всех отношениях, но прежде всего с точки зрения интеллектуальных усилий и нравственно-волевой концентрированности, которые требуются в этом случае от человека. Достаточно представить себе, сколь сложной, разветвленной и детализированной является инфраструктура насилия в современном обществе. Сколь разнообразны ее формы — от боевых искусств в спорте до военных академий. Какая масса людей в нее вовлечена — от ученых, разрабатывающих все более изощренное оружие, и поэтов, воспевающих военные подвиги, до пугающе огромной массы людей в погонах. Как высоко в обществе ценятся те, которые достигли больших успехов на поприще насилия и облечены соответствующими знаниями. Стоит, далее, принять во внимание, что ненасильственные решения, которые способны преодолеть весь этот пугающий «универсум» насилия, должны быть многократно более конкретными и трудными. И тогда мы поймем, что *ненасилие представляет собой иную, качественно более высокую организацию межчеловеческих отношений.*

Более того, этическое отрицание насилия оправдано в той мере, в какой оно переходит в конкретную индивидуальную и общественную дисциплину и практику ненасилия, которая означает новый уровень взаимопонимания и солидарности в обществе. Без такого перехода ненасилие, как и любое другое общее моральное требование, становится демагогией, лицемерием, фальшью.

Ненасилие есть идеал. Но не в том смысле, что оно отнесено в будущее. Его вообще нельзя рассматривать как некое состояние, которое когда-то будет достигнуто, наподобие удвоения ВВП. Оно представляет собой *духовно-нравственную основу сознательной деятельности людей*, которая задает направление этой деятельности и одновременно поддерживается ею. Ненасилие существует только как некое *постоянное этическое усилие.* Это — *утопия, но утопия моральная, реально задействованная в опыте индивидуальной и общественной жизни человека.*

В отношении этики ненасилия сложился предрассудок, будто она предполагает искоренение мотивов и ситуаций, порождающих насилие. На самом деле это не так, ибо, как уже подчеркивалось, такие мотивы и ситуации укоренены в биологии и социологии человека. Этика ненасилия ориентирована на то, чтобы блокировать эти мотивы и ситуации, постоянно преодолевать их на пути нравственного возвышения человека и общества, что, разумеется, также является трудной задачей, требующей постоянного душевного и умственного бодрствования. Задачей трудной, сложной, требующей разнообразных общественных преобразований, в том числе существенной коррекции системы образования, воспитания, просвещения, но тем не менее вполне реалистичной.

Махатма Ганди мудро подчеркивал, что в истории ненасилие превалирует над насилием. Если бы это было не так, то общество давно бы погибло. Речь идет, следовательно, не о том, чтобы перейти к ненасилию, а о том, чтобы реально практикуемому людьми ненасилию придать универсальный характер морального закона, то есть отказаться от насилия и в тех ограниченных формах, в которых оно все еще признается морально приемлемым. Речь идет о том, чтобы отменить те исключения из нравственного запрета на насилие, которые еще делаются для определенных его видов.

Этика ненасилия имеет шансы стать утопией современного мира. Все утопии — и научно-техническая, и национальная, и социальная, и либеральная, которыми открылось Новое время и которыми человечество вдохновлялось последние века, исчерпали себя. Они исчерпали себя тем, что осуществились, оказавшись успешными, они одновременно обернулись страшными антиутопиями. Ненасилие как идеал отличается от всех прежних утопий тем, что оно застраховано от свойственных им превращений. Оно не просто формулирует общую вдохновляющую перспективу, а предполагает вполне строгие, конкретные и адекватные его сути поступки, задаваемые самим категорическим запретом на насилие.

Среди аргументов в пользу идеала ненасилия один из основных заключается в том, *что в противоположном случае у человечества нет будущего*. И не светлого будущего, а вообще будущего. Не нужно обладать слишком буйной фантазией, чтобы представить себе: будущее, помысленное в логике насилия (то есть если будут сохраняться господствующий сегодня моральный оппортунизм по отношению к насилию, масштабы и разрушительная сила вооружений, в особенности темпы нарастания того и другого в последнее столетие), не может не быть катастрофическим.